

ТРЕПЕТ ТАЙНЫ

Добрый Дед сурового вида, владелец всей этой цветущей прелести, сдвинул кустистые брови и ткнул толстым пальцем в сторону леса:

— В лес глубоко не заходите, змей в этом году ясно.

«Ясно» — как вишен в саду.

Добрый Дед положил свою тяжёлую ладонь на Ленины коленки:

— Мне только и остаётся, что женскими ногами... Глядеть на них...

Окуневу было это неприятно, неприятен был и юмор хозяина, взглянувшего на джинсы корреспондента Королькова:

— У тебя ширинка растёгнута, птичка вылетит!

Надо было терпеть и переключаться. Он со счастливым сердцем подумал, что вот эта «тайная Лена» — самая красивая женщина здесь.

У неё прямые каштановые волосы, глаза то ли синего, то ли зелёного отлива. Всегда эти глаза смеялись, даже в моменты грусти. То есть эти глаза оставляли надежду на лучшее.

Никто не подозревал об их отношениях. В принципе, в этих отношениях ничего такого плотского и не было. Они просто разговаривали. Порой он тайно гладил её пальцы. Раза три они целовались, когда все уходили на обед. Целовались воровато, с оглядкой на дверь.

В ней сохранился детский наив. Он понял это тогда, когда Лена рассказывала про свою крохотную дачу в сибирском посёлке, как они с матерью выходили на весеннее солнышко. И половицы на крыльце приятно грели и слегка щекотали ступни. Что в этом особенного? Но этот короткий рассказик колыхнул сердце: как она мила!

Николай Алексеевич Ивеншев (1949 г.р., село Верхняя Маза). Его предки работали садовниками в имении у Дениса Давыдова. Член Союза писателей России. Автор более 20 книг прозы, поэзии, публицистики. Тексты публиковались в журналах «Октябрь», «Юность», «Москва», «Наш современник», «Роман-Газета», «Доля», «Бельские просторы», «Родная Кубань» и т. д. Лауреат премии им. А. Дельвига «Литературной газеты», журнала «Москва» за лучшую прозу года, «Литературной России» «Душа прикоснулась к душе» и др. Живёт в станице Полтавской Краснодарского кр. Работает режиссёром поэтического театра «Мельпомена».

Добрый Дед посоветовал всем пить как можно больше кумыса и отчалил на своей тяжёлой, блестящей чёрной «Волге».

У нас такое милое свойство: на природе надо как можно больше есть, а дома — как можно больше говорить о любви к природе. Посему все сосредоточились на сумках, выкладывая снедь на длинный дощатый стол, расположенный под густым клёном.

Всем было невдомёк, что Володя Окунев и Лена Мельникова исчезли из этой компании. Они пошли на бережок, где бултыхалась тёмная, как Дедова машина, только что просмолённая лодка.

— Спасение от змей. Уж тут-то они нас не достанут, — блеснула глазами Лена и первой прыгнула в кипящую посудину.

Плюхнувшись на тесную скамейку, они сразу стали целоваться, погасив в голове все мысли. При этом не так, как в «конторе», а жадно. Ведь здесь — природа. А природа всегда благословляет влюблённых. Это, кажется, он изрёк в перерыве между поцелуями. А она ответила:

— Как ты пошёл!

Сказала это не осуждающе, даже поощрительно.

— А слабо нам в лесу! — с дрожью в голосе проговорила она, отдышавшись от очередного затяжного объятия. — Опасность нужна.

— Ничуть не слабо! — Окунев ухватил её за запястье и выдернул на бережок. Лена послушно, словно сомнамбула, двинулась к недалёкой опушке. За ним. Деревья здесь были

разные, малорослые. И всё было схвачено весенним, размашистым кустарником и вязкой травой.

И трепетом тайны. И жаждой опасности.

И чего греха таить, Окуневу и в самом деле было боязно волочить ноги в плотной траве. Ей же ей — на гадюку наткнёшься. Ойкало внутри. Змеи весной злые, потому как голодные. Но, однако же... Странная мысль вцепилась в его мозги:

— А тогда ведь, при сотворении мира, свидетелями платонических отношений Адама и Евы были одни лишь змеи. Хм-м, это змеи их совертели! Ясень пень. И за счёт этого появилось все человечество, в том числе и раб божий Владимир и раба божья Елена.

— Молчи, молчи! — она опять уткнулась в его губы и прошептала, — я чувствую это!

И они упали в траву. Он было потянулся «туда». Но Лена, ласково погладив, убрала его руку. Они только целовались то ласково, то жестоко. И от опасности, что, как пел когда-то сиплый, модный баритон, «Змеи, змеи кругом!», эти поцелуи были ещё слаще, ещё желаннее.

Грех ли это?! Да, грех! Ведь и у неё был муж, начавший лысеть, с круглым животиком — Саша. И у него была жена. И, в самом деле — бесценная жена, которую невозможно оторвать от сердца. Но этот грех казался весёлым и радостным, желанным, потому как всюду разлито весеннее солнце, и ветер пахнет неизвестными цветами, и там, недалеко, волны плещутся о борт

новейшей лодки. И от длинного стола с закусками раздаются весёлые слова. Да ещё и «А-у-у-у!». Видно, их ищут, чтобы всем вместе выпить и закусить. Нет, конечно же: он не разобьёт свою домашнюю жизнь, не уедет с ней в Сибирь. С Леной, с этой красавицей с весёлыми, надёжными глазами. Он её любит, да, конечно — он жутко в неё влюблён. И целуются они с таким упоением, что змеи в кустах жмурятся от зависти.

ПЫЛЬЦА

Берег реки пах ученическим ластиком. Он был так же упруг, как бедро, на котором парила моя голова. Гелий внутри головы отобрал последнее сознание, оставив по закоулкам лишь скудные мысли. Одна из них была назойливой:

— Сейчас я её поглажу.

Но я не погладил. Мы болтали без умолку.

— А что там, на другом берегу?

— Там чабер растёт, коровы пасутся. И система для полива травы.

— Фу, как это скучно!

— Мне тоже так кажется.

— А ещё дальше — казаки дишканят.

— Что это?

— По-казацки — поют. От слова «дискант». А вот если от моста идти вверх — там речка Песковатка. Через неё шаткий мостик...

Наши велосипеды прильнули друг к другу, обнялись рулями. Не то, что мы.

— Шаткий мостик... — она засмеялась. Чисто, не как все. — Интересно —

Песковатка. Пищит, что ли?

— Пескари в ней пищат. В ледяной прозрачной воде машут хвостиками и пищат.

— О чём?

Хотел сказать: «О любви! О моей любви к тебе!» Но моя голова совсем потеряла ориентир, подумав: «Как это грубо! Об этом надо говорить другими словами. Лучше музыкой».

По серому, промокашечного цвета песку сновали муравьи. Они не трогали нас. Велосипеды не различали объятий. Пахло не только ластиком, но и её загоревшей кожей. Она подняла мою голову, взяла её, как берут чашу, и стала целовать долго и безумно, откидывая назад свои дымчатые волосы. Звали её Зиной или Зоей. Зоя! Зоя — жизнь, значит.

Я лет десять назад приезжал в станицу летом. Там всё так же звенели по вечерам сверчки, и старые яблони роняли с глухим стоном подгнившие яблоки.

Под яблоней за клеёнчатым столом сидели с другом школьных лет Пашкой Евдокимовым, пили чай с тем же хопёрским чабором. Я отважился спросить, где же Зоя Синякина. Пашка помолчал, потом сказал:

— Пыльца!

Он работал ветеринарным врачом. И я не понял его ответа.

— Пыль и пыльца всё... Наша школа, гитарист Волков, которого любили все девчонки. И Зоя твоя. Она вышла замуж за Сашку Маклака, да неудачно. Маклак калдырил. Она долго это терпела, не решаясь разводиться, таскала его из кустов, из бурьяна... Н-да... И потом сама...

Нет, не спилась. Хворь её свалила. Насовсем. Знаешь, как траву косят, за Хопром.

Я вспомнил, как те самые шолоховские крепыши косили траву, тут сто километров до Вёшенской, двадцать до Букановки: хэээк, хэээк.

Так косили, протяжно. Пашка продолжал:

— Пыль ведь всюду, пыль да песок, вода.

— А как ещё, станица-то наша так и называется: Кумылга. Песок и вода с тюркского.

— А где те кочевые орды?— вздохнул Павел, поседевший, брудастый, совсем не тот, похожий на прямое, с крючком, сапожное шило. Как подёрнет словом — мало не покажется.

— Пыль, песок, вода.

— Пыльца! — добавил я, вспомнив оглушающее внешний мир бедро Зои.

Той Зои. Упало тяжёлое яблоко. В небе дрожал татарский караван звёзд. Тянуло полынком от заросшей, обмелевшей Песковатки.

ЧИНАРИК

Самсонов не курил. Но какая разница. Всё равно перед отбоем послали собирать «бычки» возле казармы. Собирал он их вместе с нескладным костлявым солдатом Тутовым. Кажется, тот был подслеповат. Сейчас в армию берут всяких, в основном деревенских, ещё не очнувшихся от сна. Близорукий, сонный Тутов всё же собирал их проворнее. Его полуплитровая стеклянная банка почти наполовину была наполнена иску-

ренными остатками сигарет. Антон Самсонов уже дослуживал свой срок, потому мог себе позволить расслабиться:

— Слышь, зём, уймись, всё равно медаль не повесят. Покури трошки.

— Я не курю, — радостно осклабился Тутов. Все же сели, привалившись к иссиня-тёмному, в рыжеватых подпалинах, цоколю казармы. Кадык на длинной шее Тутова вздрагивал, остро торчали коленки. А серое лицо его то ли плакало, то ли улыбалось.

— Дембель в мае? — спросил Самсонов. Он отлично знал, что в мае. Но спрашивал для того, чтобы завести разговор. Мишка Тутов это понял:

— А мне письмо пришло.

— И что, Мишель, пишут?

Почта в части давно уже не в моде. Все давным-давно прячут мобильники. На это начальство закрывает глаза. Прогресс. Нет, всё-таки Тутов улыбался. И рассказывал: «От неё письмо, от Мариночки». Он достал из-за пазухи листок. Стал читать, снабжая паузы испуганными улыбками. В письме говорилось о том, что Мариночка выходит замуж за Андрея Берсеньева, который уже отслужил и работает теперь на стройке подсобником. Ситуация традиционная, хорошо, что Самсонов никого на гражданке не оставил. Кроме матери, естественно. Необычно было то, что Тутов радовался этой ситуации и искал поддержку у Антона. Что ж, пожалуй, следует поддержать.

— Это хорошо, — одобрил Тутов. — Лучше раньше это узнать. Видишь — честная девушка, Марина твоя.

— Да, честная, — обрадовался Тутов. — Сама сообщила. Она меня поцеловала, когда я уже в автобус сядил. Толпа прёт, пьяные все, а она меня из толпы выдернула и в губы впилась. Не забуду, грит, никогда.

— Она и не забыла, вишь — письма пишет, — что он говорит, вот это поддержал... Какие письма, «замуж выходит»!

— А он, знаешь, Андрюха-то Берсенева — красивый парень. Сильный. Штангу в огороде своём ворочает.

«Какую бы кличку дать этому толстовцу? — подумал Тутов. — Блаженный. Да, блаженный. Чему лыбиться-то. Выпросил бы отпуск да нагрнулся бы на свадьбу. Ну и что, что штангу ворочает. Врезать в морду всегда можно».

Самсонов взял деловой тон:

— Ну, давай опять на сбор земляники, а то Тимофей прикопается. Тимофей — замкомвзвода.

— Я генерала ни разу не видел, неужто приедет смотреть на наши порядки... А ты видел генерала?

— Видел, ещё какого! В лампадах, в бурке, — улыбнулся наиву, — горе ведь у парня, а он генерала хочет увидеть. Никакой он не Блаженный, Чинарик он. Вот как в этих банках. Смолоду докуранный.

Уже смеркалось. Мишель помог добрать банку с окурками старшему по возрасту и призыву. Парень он был хороший. У себя там, в деревне, трактористом был. И здесь на танк посадили. Старый танк, «застиранный», как Мишкино хэбэ. Но солдатик его отрегулировал: не стучит, не громыкает, а слов-

но электрическая детская игрушка. Танцует танк.

Утром ждали генерала. В казарме хором ликвидировали последние соринки. Но генерал так и не приехал. Зато в расположение ворвался капитан Маковкин, с красным, испуганным лицом. Потом лицо это стало багровым. И лицо орало: «В ружьё!!!» Кинулись в оружейку, сбивая, толкая друг друга. Так истошно орал Маковкин. Оказалось надо было «взять» танк. Свой. В танк этот каким-то необъяснимым образом забрался солдат Тутов. И у него в руках — граната-лимонка. Ползком, перебежками человек тридцать подбирались к заведённой машине. Из люка отчётливо-ясно было видно: тёмный силуэт размахивает рукой. Да, в руке что-то зажато. Камень, должно быть. Откуда у солдата лимонка? Ветер доносил хриплые, надрывные клочья слов.

— Хо... ди... те! Ма... рина.

Это можно было разобрать.

Когда приблизились метров на тридцать и припали к земле, прозвучал взрыв. Самсонову он показался глухим, словно под каким-то одеялом. Он взглянул на небо. Живой. И увидел, как все, почти все рванули к месту взрыва.

Капитан Маковкин не стал давать оголтелых приказов. А вяло спросил (он знал, что ему грозит), были ли у рядового Тутова друзья. Их не было. Откликнулся лишь Самсонов, но какой он друг... Антон Самсонов и ещё двое, фельдшер на гражданке Земнухов и аптекарь Поликседов стали убирать всё, что осталось от Мишки

Тутова. Лимонка разнесла его на ку-
сочки. Складывая в цинковое ведро
часть кишечника, Самсонов пошат-
нулся. Его вырвало. Но мимо ведра.

В каптёрке всем троим выдали по
сто граммов неразведённого спирта.

— Анестезия! — ворчал баш-
кир-копёрщик Сулейманов. — При-
выкайте к боевым условиям. Су-
лейманов всем рассказывал, что он
воевал на второй чеченской. Врал,
скорее всего.